Сотрудники недавно ликвидированного Госнаркоконтроля не спешат переходить на службу в МВД. Как сообщили «Труду» из неофициальных источников, лишь 15% экс-борцов с незаконным оборотом наркотиков готовы примерить новые погоны. Причем, как выясняется, отказники в большей своей части – это оперативные сотрудники.

Заставить их перейти самих и передать свои оперативные наработки поручено специальной ликвидационной комиссии, которая начала свою работу с 1 июня.

На бумаге все выглядит отлично: агентурные дела передаются, как и было запланировано. Но во многих случаях это оказываются картонные скоросшиватели, набитые ненужной бумагой. В целом за бортом правоохранительной системы остаются почти 25 тысяч сотрудников упраздненного ГНК. Кто займет их место в МВД – большой вопрос. В одночасье найти столько людей, знающих специфику борьбы с наркотрафиками, – огромная проблема.

А масштабы этого трафика выглядят зловеще. Посмотрим по героину: по оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности, ежегодно в Россию ввозится около 40 тонн этого наркотика. Из них 27 тонн следуют транзитом на Запад. Изъять получается около 2,5 тонны, остальное употребляют наши оте-
чественные наркоманы. То есть российским правоохранительным органам удается изъять из незаконного оборота чуть более 6% героина. И это совместными усилиями ФСКН, МВД и пограничной службы.

Героиновая смертность в России – по оценкам той же ООН – составляет около 40 тысяч человек в год. Столь мрачная статистика подтолкнула к ликвидации ФСКН. Да и сэкономить порядка 30 млрд рублей в год (к такому сокращению бюджетных расходов приведет, по оценкам члена комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ильи Костунова, упразднение Госнаркоконтроля) – дело для власти не последнее.

Впрочем, дело не только в расходах. Дело в принципе: конкуренция между правоохранительными органами на одном поле не приводит ни к чему хорошему.

Начиная с 11 марта 2003 года, когда был создан Госнаркоконтроль, Россия была единственной страной в мире, где служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков являлась независимым органом исполнительной власти в ранге министерства. К примеру, в Германии антинаркотические подразделения входят в состав федеральной полиции – составной части немецкого МВД. Такая структура правоохранительных органов существует во всех европейских странах. Кстати, в среднем по Европе, по данным Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости, изымать из незаконного оборота удается более 20% запрещенных препаратов.

В США эта цифра чуть ниже, около 15%. Там с наркотрафиком борется не только полиция, но и администрация по применению законов о наркотиках. Однако и эта структура не является самостоятельной, а входит в Министерство юстиции (туда же входит и ФБР). Так вот, в США конкуренции между полицейскими и антинаркотической администрацией не существует. Ее подразделения просто координируют при необходимости действия копов из разных штатов. Мы же с аппаратными играми по созданию и упразднению отдельного антинаркотического ведомства вышли на первое место в мире по потреблению героина. И дело здесь не в том, кто как работал – подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД или ФСКН. Лучше вспомним русскую пословицу: у семи нянек дитя без глазу. Как раз наш случай...

(www.trud.ru)